

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТОЛОГОВ

**Первый съезд
Российского общества политологов**

«Национальные интересы России:
глобальные приоритеты, политические
стратегии и перспективы»

30 июня — 3 июля 2014 года, Суздаль

Издательство Московского университета

2014

УДК 327; 930.22
ББК 66.0; 66.4(2Рос)
П26

Редакционный совет:

*С. Г. Еремеев, А. С. Капто, А. П. Клемешев, Ю. С. Пивоваров,
В. Н. Плигин, Е. М. Примаков, В. А. Садовничий, А. В. Торкунов,
А. Ю. Шутов, В. И. Якунин*

Редакционная коллегия:

*М. Г. Абрамова, С. В. Володенков, А. И. Волошин, А. А. Горохов,
В. А. Гуторов, А. В. Капкина, Е. Г. Кирсанова, В. И. Коваленко,
И. И. Кузнецов, А. В. Манойло, С. А. Панкратов, О. В. Столетов,
С. Н. Федорченко, П. А. Цыганков, А. А. Ширинянц*

П26 **Первый съезд Российского общества политологов:
«Национальные интересы России: глобальные приоритеты,
политические стратегии и перспективы», 30 июня — 3 июля
2014 года, Суздаль / Российское общество политологов; под общ.
ред. А. Ю. Шутова; сост. А. И. Волошин. — М.: Издательство
Московского университета, 2014. — 970 с.**

ISBN 978-5-19-011023-4

В сборник вошли стенограммы заседаний, доклады участников секций и круглых столов, а также иные материалы Первого съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов».

Для политологов, историков, правоведов, философов, всех, кто интересуется политической наукой, российской историей и современным политическим процессом.

© Российское общество политологов, 2014

© Коллектив авторов, 2014

© Оформление, Волошин А. И., 2014

© Обложка, Теригов И. А., 2014

ISBN 978-5-19-011023-4

Шабров Олег Федорович

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

shabrov@rane.ru

Цивилизационные предпосылки российской политики

Принято считать системообразующим фактором нации государство. И в самом деле: генезис нации как социально-экономической, культурно-политической и духовной общности индустриальной эпохи связан со становлением современного государства. Но сегодня, в эпоху постмодерна, когда глобализация и постиндустриальный технологический уклад ставят под вопрос государственный суверенитет, а миграционные процессы подтачивают социальное единство государства изнутри, становится все более очевидным: государство в его современных формах становится все менее способным обеспечить существование нации как целостной социальной общности. Его собственное существование все больше зависит от готовности людей сосуществовать в рамках государственного целого, от исторически формирующегося объединяющего людей чувства общности судьбы, цементирующего культурное многообразие этносов и примиряющего социальные группы с разнонаправленными интересами. Устойчивость нации-государства и государства как такового оказалась в зависимости от культурной общности социального целого.

Позитивный и негативный опыт совместного проживания людей и групп, преодоления трудностей и достижения значимых целей формируется повседневной практикой и отражается первоначально в актуальной памяти. В случае неоднократного повторения возникающие чувство общности и правила совместного поведения, запреты, отношение к государству и политической власти закрепляется и вытесняется в сферу неосознаваемого, приобретает значимость одной из социальных ценностей, становится частью ментальной составляющей памяти, слагаемым национальной культуры. Исследуя психологические основания культуры, З. Фрейд пришел к выводу, что она «покоится на результатах вытеснения предшествующих поколений и... каждому новому поколению предстоит сохранять эту культуру путем таких же вытеснений». Можно определить культуру и, прежде всего, духовную ее составляющую, как вытесненную память поколений.

В то же время вытесненное не значит бездействующее. Сознательное неосознаваемое оказывает большое влияние и на мироощущение, и на поведение человека, но вклад этого влияния и степень использования заложенного здесь богатого потенциала зависит от воспитания и навыков. Известная восточная религиозная система дзен-буддизм оперирует понятием «пранджя». Д. Судзуки охарактеризовал ее как «недвижимый двигатель, который бессознательно работает в поле сознания» и так описал его действие: «Когда мастер меча стоит перед своим противником, он не должен думать ни о противнике, ни о себе, ни о движениях меча своего врага... Удары наносит

не человек, а меч, пребывающий во власти бессознательного». На Востоке к бессознательному (ментальному) отношение серьезное. Рациональный Запад, напротив, доверяет больше осознаваемому, актуальному. Свойственная России двойственность приоритетов восприятия в значительной степени лежит в основании противоборства между «почвенниками» и «западниками», сопутствующее ей, как минимум, со времен Петра Великого.

Каждое сложившееся в нацию сообщество прошло свой путь от этноса или совокупности этносов до нации. Поэтому культура каждой современной нации имеет свою, связанную с особенностями прошлого, специфику. Крупные нации или конгломераты наций, связанные общим прошлым, имеют и сходство культур, находящее выражение и в общей конфессиональной принадлежности. Таковы католическая Европа и отчасти США, конфуцианский Китай, исламские страны. Такие конгломераты представляют собой культурные общности, к ним применимо понятие цивилизации.

Одна из таких цивилизаций — Россия. Ее культурная специфика и особый генотип во многом определились особенностью ее геополитического положения как буфера между Востоком и Западом. Многовековые связи — добровольные и вынужденные — с этими двумя не только географическими частями света, но с двумя ментальными основаниями, предопределили двойственный, не имеющий аналога характер российского человека. Это дает основание говорить об особой российской цивилизации.

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стат —
В Россию можно только верить», —

писал о специфике России поэт-славянофил Ф. Тютчев. Можно выразить ту же специфику неприязненным, славянофобским высказыванием князя О. Бисмарка: «Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью». С разных сторон они отразили иррациональность России, преобладание чувственности, созерцательности как одной из отличительных черт российской ментальности, унаследованной от восточной цивилизации.

Преобладание чувственного способа восприятия над рассудочным, созерцательность российского человека предопределяет его восприятие мира как целого, нерасчлененного на составляющие, и дает ему определенные преимущества над рассудочным человеком запада в интуиции, изобретательности, способности к самопожертвованию. Но предопределяет и недостатки. В том числе правовой нигилизм, на который нередко сетуют представители правящего класса, но который в равной степени присущ и ему, и правящей элите. Сознание российского общества склонно оценивать происходящее в большей степени с точки зрения так называемого обычного права, апеллируя больше к справедливости, нежели к праву юридическому, формальному, воспринимаемому как внешнее, чуждое, необязательное.

Чувственное начало лежит здесь и в основе всякого объединения. На этом базируется традиционная русская общинность. В отличие от рационального запада, русские склонны объединяться больше из потребности быть вме-

сте, по «любви», нежели для получения выгоды или иного материального результата. «Без любви, — писал И. Ильин, — русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) — сами по себе ему мало свойственны. Без любви — он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою». Ослабление традиционных регуляторов не компенсируется в полной мере регуляторами формального права и влечет за собой ослабление социальных связей, цементирующих общество.

Здесь коренится существенная трудность для российского гражданского общества и его отношений с государством, а также для формирования «цивилизованных» по западному типу демократии и рыночных отношений. В российском, позаимствованном у запада, либерализме, противопоставившем личность интересам общества и не ограниченном, как там, «табу» протестантской этики, нормы справедливости оказались вытесненными нормами девиантных отношений — «понятиями». Рынок бездуховен, и поэтому либо вытесняет российского человека на обочину экономического процесса, либо стимулирует не ограниченное социальными нормами накопительство.

Отсюда и особый характер отношений российского общества с политической властью. Они тоже в значительной степени иррациональны. Демократические выборы, дающие сегодня рациональное основание легитимации власти на Западе, не столь важны здесь как традиция и харизма.

Еще одна особенность России, наложившая отпечаток на ментальную часть ее сознания — необъятные просторы. «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самодеятельность классов и групп. Нелегко было поддерживать величайшее в мире государство, да еще народу, не обладающему формальным организационным гением». Приведенная мысль Н. Бердяева указывает на сочетание двух важных для понимания российской ментальности исторически сложившихся обстоятельств.

Первое, — мысль, что российский народ как не обладающий «формальным организационным гением» в силу созерцательности своей природы, подкрепляется распространенным среди историков мнением, встречающимся в летописях и обобщенным В. Ключевским, о роли варяжских князей в становлении Киевской, а затем и Верхневолжской Руси: государственность изначально привнесена в Россию извне. Государственная власть и сегодня воспринимается здесь как нечто внешнее. Политическое отчуждение заложено в российской культуре, оно не только может насаждаться «сверху», — оно присуще массовому сознанию, идет и «снизу», а это существенно расширяет свободу элит для социально-политических экспериментов. Оно же несет в себе и опасность как для общества, так и для самих элит. Заторможенность политической обратной связи, как следствие этого отчуждения, неоднократно в

истории России порождает у правящих классов иллюзию социального согласия, естественным образом влекла за собой накопление ошибок управления, нарастание внутренних противоречий с последующим социальным взрывом. «Русские медленно запрягают, да быстро ездят», — в этих словах, приписываемых тому же О. Бисмарку, отражено данное свойство российского характера, требующего особенно тонких механизмов обратной связи, чувствительных к состоянию масс, и понимания лидерами их подлинных настроений.

Второе: российские просторы и связанное с этим природное разнообразие, помноженное на полиэтничность, затрудняют чувственное восприятие страны как целого, препятствуют формированию национальной идентичности. Этим порождается потребность в сильном централизованном государстве, способном, с одной стороны, скрепить это разнообразие в единое целое, а с другой, — служить в качестве символа целостности, через который формируется чувство идентичности со всей страной. «Россия, — писал И. Ильин, — росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, — живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью». Попытки актуализировать «записанное» на ментальном уровне памяти российского общества потребность в сильном централизованном государстве может дать позитивный, консолидирующий результат лишь при условии, что это государство является носителем вдохновляющих духовных смыслов.

Этим определяется склонность российского человека персонифицировать власть. Если на западе политическая система консолидируется институтами, то в России институты не играют определяющей роли, они формальны и слишком абстрактны для восприятия через ощущение и потому вторичны по отношению к лидерам, которые служат символом национального единения и указывают цель.

Отсюда — специфичный для России процесс легитимации и делегитимации власти. Институты и идеология власти в традиционном смысле (левые — правые) для российского человека вторичны. Вторичны также идеологические и правовые источники легитимности и соответствующие социальные ценности, с которыми общество соотносит политическую власть. Легитимация, так же как и делегитимация, власти начинается в России, главным образом, с ее персонального уровня и по нравственному основанию.

Отношение российского общества к государству как внешней силе, «нанятой» для защиты от внешнего врага и внутренних распри проявляется в его патернализме. Но природа этого патернализма иная, нежели его трактуют на западе. Она идет не от «рабской» натуры, а от нежелания выполнять чужую работу, которая к тому же чужда созерцательной природе российского человека. Он готов терпеть от правящего класса притеснения и несправедливости, материальные лишения в обмен на выполнение «общественного договора». Когда же становится ясным, что этот договор не исполняется, и нет надежды

на «исправление» правящего класса, в повестку дня встает неприятный для него вопрос о замене управляющих.

«Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества», — писал К. Маркс. Оставим в стороне проявившийся здесь в отношении культуры свойственный ему экономический детерминизм: эмпирическая база марксизма была ограничена историей европейской цивилизации, объединенной общими культурными кодами. Но с полной определенностью можно сказать, что в ней он усматривал предпосылку права. Иными словами, наряду с экономическим базисом можно, пользуясь терминологией К. Маркса, говорить и о культурном, или духовном, базисе государства. Вся история человечества, и новейшая российская практика в том числе, свидетельствует о том, что устойчивые политические формы рождаются лишь в случае их соответствия духу народа, национальной культуре.

В условиях постмодерна государство утрачивает роль основного фактора, образующего нацию. На первый план выходит чувство национальной идентичности, общности культуры. Совокупность этих обстоятельств несет особую угрозу для России в случае делегитимации власти. В России, в отличие от запада, легитимность политической власти строится, главным образом на традиционном и чувственном основаниях, а сильное централизованное государство имеет оправдание, если оно мобилизует на достижение высоких целей. В отсутствие сильного и одухотворенного, пассионарно заряженного Центра обостряется проблема национальной идентичности. А это, как неоднократно подтверждала российская история, включая советскую, влечет за собой не только периоды «смуты» и политической нестабильности, но ставит под вопрос целостность российского государства.

Шестов Николай Игоревич

Доктор политических наук, профессор кафедры политических наук
юридического факультета
Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

nikshestov@mail.ru

«Настоящее» как доминирующая политическая ценность

«The Present» as a Dominant Political Value

Аннотация

В статье анализируются принципиальные сдвиги в структуре и качестве рационалистической мировоззренческой парадигмы, на которую сегодня ориентирована политическая практика развитых государств и обществ, и с учетом которой строится современная политическая теория. Предложен теоретический подход к концептуализации фундаментальных изменений в ценностных основаниях современной либеральной политической культуры.

